

2. Герой

Герой в его разных проявлениях — самая динамичная фигура советского мифа. Он выступает как строитель новой жизни, как победитель любых препятствий и врагов. Предысторию этого героизма можно с особой ясностью проследить на примере творчества М. Горького¹⁰. Данная Максом Нордау в его книге «Вырождение» (1892/93) критика всего негероического, декадентского, завоевавшая как в Германии, так и в России огромную популярность, проходит красной нитью через творчество Горького и становится канонической составной частью советской культуры.

О значении Ф. Ницше для формирования горьковского героя с особенной наглядностью свидетельствуют ранние тексты автора. Немецкий мыслитель дал существенные импульсы всей русской культуре рубежа веков. Его активизм и витализм обогащали русский марксизм, в котором господствовало детерминистское мышление Плеханова, субъективным, волюнтаристским компонентом¹¹.

В заметке 1920-х годов «О герое и толпе» Горький высказал мнение, что хотеть быть героем — значит хотеть быть более человеком. За этим стоит мысль Ницше о «возвышении» человека до сверхчеловека или, в формулировке Горького, до Человека с большой буквы. Ницшеанские мотивы сохраняются в творчестве Горького и после сближения его с марксизмом. Как у Ницше благородная мораль противостоит презираемой морали рабов и толпы, так и здесь Человек противопоставляется мелкому буржуа-антигерою.

Облик ранних героев Горького во многом восходит к Ницше. Но если Ницше пребывает в идеалистической традиции борьбы духа, то у Горького речь идет о трагедии витального и социального активизма, которому грозит поражение. Подобные идеи воплощаются в образе Данко, который указывает своему народу путь из тьмы к свету, вырывая из груди собственное сердце, в образе погибающего в смертельной борьбе Сокола или трагически прекрасного Человека. После сближения автора с богостроительством герои Горького обретают, как показывает роман «Мать», черты христианского героя-жертвы. В герое раннего Горького сплетаются весьма различные линии героизации: элементы философии Ницше, фольклора, литературной романтики и символизма, марксизма, русского народолюбческого движения и богостроительства. Доминирующую роль играет прометеевское начало¹².

Горький вполне отчетливо осознавал центральное значение героического мифа для всего своего творчества. В одном из писем 1926 года он связывает героизм прежде всего с силой воли, которая ведет человека, в соответствии с путем творца в Заратустре Ницше, «вперед и выше», и в конце признается: «Вы знаете, что это моя старая идея и, может быть, моя единственная»¹³. На Первом съезде советских писателей Горький противопоставил упадку буржуазной литературы культу героической работы. В своем выступлении и А. Жданов говорил о том, что советская литература черпает свой энтузиазм из «героической эпохи челюскинцев»¹⁴. Спасение советскими летчиками зажатой льдами полярной экспедиции в 1934 году послужило началом сталинского культа летчиков и — с введением звания «Героя Советского Союза» — институционализации советского героизма.

«Поиски героя» становятся первоочередной задачей формирующегося социализма. Как «героический стиль» он отделяет себя от «безгеройности» и пассивного маленького человека буржуазного реализма¹⁵. Мощная потребность в героизме приводит к тому, что «техника создания героя», важность которой Горький подчеркнул еще в очерке «Разрушение личности» (1909), становится первоочередной задачей. В процессе мифологизации исторические лица подгоняются под

мифологическую парадигму, причем решающую роль играет забвение индивидуально-исторических черт¹⁶. Из «основного события» народная фантазия лишь через дистанцию во времени создает идеал героя¹⁷.

Для советской культуры возникает проблема насильственного укорочения необходимого для мифологизации исторических лиц промежутка времени, который, как правило, занимает столетия, или, как минимум, десятилетия. Поэтому применяются механизмы фальсификации и манипуляции историческими фактами для того, чтобы сжимать индивидуальное в образцовые парадигмы. Огромную роль в этих процессах играет пропагандирование нового героя средствами массовой информации.

Примером коллективного публицистического мифотворчества является миф о «сталинских соколах»¹⁸. Советские летчики 1930-х годов предстают как верные сыновья «любимого отца» Сталина, который является и «вдохновителем», и «руководителем», и «организатором побед». Сталин воплощает принцип сознательности, в то время как «сыновья» могли проявлять некоторую стихийность¹⁹, незрелость и страсть к приключениям. Если «отец» занят воспитанием, закалкой героев, то «мать», иными словами — родина, страна или Москва — окутывает их эмоциональной теплотой. «Как нежная мать следила страна за полетом своих сынов, радовалась успехам летчиков и с нетерпением ждала от них сведений... Миллионы невидимых нитей связывали Чкалова, Байдукова, Белякова со всем советским народом, и эта связь помогла им одержать победу. Как бензин питает мотор самолета, так сердца летчиков питались той чудесной силой, которую слава им родина-мать» (Правда, 25 июля 1936).

Миф о летчиках воплощает лозунг эпохи «вперед и выше» самым наглядным образом, поскольку он содержит все этапы пути приключений античного героя — уход из повседневности, прорыв с боем в царство тьмы, демонстрация стойкости в разных испытаниях, получение сверхъестественной награды и, наконец, возвращение героя, несущего своему народу благодать²⁰. В пространственной модели этого мифа можно различать несколько символических зон, которые расположены концентрическими кругами. Священный центр — это Кремль, окруженный мирскими кварталами Москвы. Москва в свою очередь — центр советской родины, за границами которой — враждебная империя капитала. В этой иерархическо-центрической модели свет, излучаемый сакральным центром, достигая периферии, ослабляется. Суровая Арктика — как и фашистские страны — образует темную, адскую, враждебную всякой жизни зону. Она дана в холодных красках смерти — в черном и белом, между тем как с советской родиной всегда ассоциируются красный цвет и свет солнца. Даже в туманах, бурях, в холоде полярного мира герои вдохновляются символическими атрибутами «Отца», его именем, образом и голосом.

Победа над полярным чудовищем приравнивается к сказочному чуду. «Сказка стала былью. Вековечная дума об освобождении сбылась... Советский человек — это сказочный богатырь, живущий в наши дни. Для него не существует препятствий... Уж не в сказках, а наяву происходят чудесные дела» (Известия, 14 июля 1937). Путь приключений венчается триумфальным возвращением героев на родину. В Кремле к ногам обнимающего их «родного отца» кладут они «золотое руно» рекордов и достижений.

Какие же фигуры образуют советский героический пантеон? Об этом мы узнаем из романа А. Фадеева «Молодая гвардия», где молодой Сережка Тюлений мечтает о совершении «немыслимых, баснословных подвигов». Сначала ему в голову приходят экзотические приключения первооткрывателей и исследователей Ливингстона, Амундсена, Седова и Невельского. За ними следуют революционные борцы Фрунзе, Ворошилов, Орджоникидзе и Киров. Потом юноша вспоминает подвиги летчиков и полярников, и, наконец, героев труда — Изотова,

Стаханова, Ангелину и др.²¹

Сталинская эпоха знает, в принципе, четыре категории героев. В соответствии с идеологией, на вершине стоит герой социалистического труда. Он связан с прометеевской традицией культурного героя, который дарит людям технические, научные, художественные и другие достижения. Пропаганда советских героев труда восходит ко второй половине 1920-х годов, но достигает своего полного расцвета лишь в 1935 году с оформлением стахановского движения. Сюда относятся и другие типы культурных героев — летчики и исследователи Севера или выдающиеся деятели науки и техники, которые, подобно Прометею, приносят людям блага и знания.

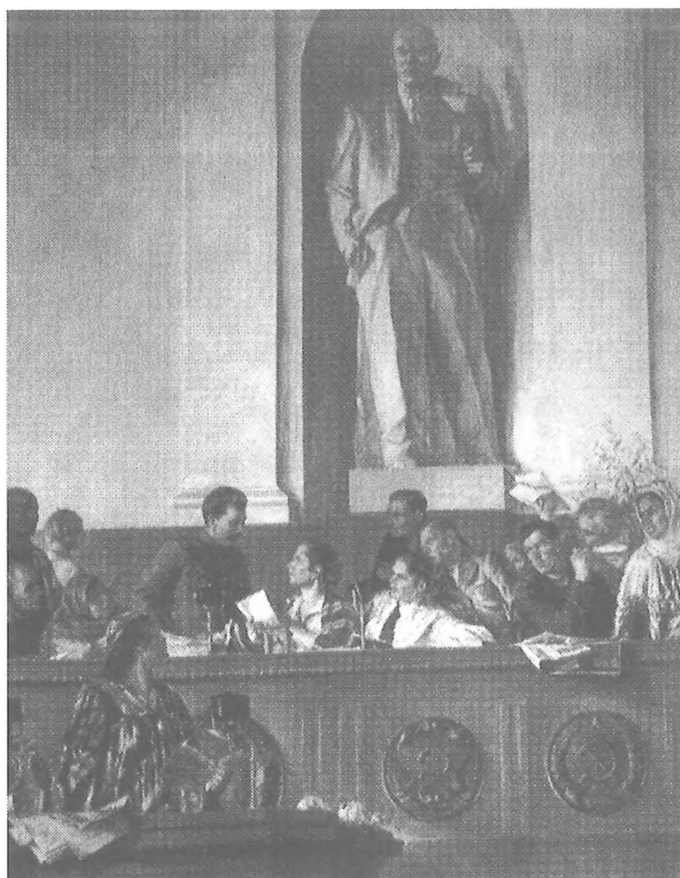
Вторая категория — это герой-воин (герои литературы о гражданской войне из «Железного потока» А. Серафимовича, «Бронепоезда 14-69» Вс. Иванова, «Чапаева» Д. Фурманова, «Разгрома» А. Фадеева и др.). В-третьих, сюда относится героизация политических деятелей, которая занимает важное место в книге Т. Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории». Этот вид героизации был очень распространен, особенно в советской публицистике и в биографическом жанре. Образцом панегирического жанра является некролог, написанный Горьким в 1924 г. на смерть Ленина, в котором вождь пролетариата предстает как живое воплощение Данко и Человека с большой буквы. Наконец, видное место занимает герой-жертва, образ которого часто моделируется по канону житий святых и мучеников и отличается самоотверженностью и самопожертвованием. Примеры тому мы находим в романе Горького «Мать» и Н. Островского «Как закалялась сталь»²².

При сопоставлении советского пантеона героев с национал-социалистическим бросается в глаза, что в Третьем Рейхе на вершине иерархии стоит герой-воин. Героическое в национал-социализме «всегда обряжено в униформу» и превращается «исключительно в воинском мужестве, в самоотверженном, презирающем смерть поведении в каких-либо военных действиях»²³. Для национал-социализма основополагающей является не модель Большой семьи, а отношение вождя-фюрера к военному отделению²⁴.

Нельзя не заметить особое пристрастие тоталитарных культур к мифу о Прометее. Если социалистический Прометей проявляется в образе сверхчеловеческого героя труда, то национал-социалистический — в образе духовно-героического носителя факела «высшей арийской человечности»²⁵. Любопытную параллель представляет и внешний облик героев 1930-х годов в Германии и в Советской России. В обоих случаях герои окружены символикой железа и стали.

Большевистское движение с самого начала было связано с этой символикой. Луначарский в 1907 году говорил о «железной целостности» новой бойцовой души и о превращении индивидуума из «железа в сталь». Об этом же свидетельствует псевдоним Сталин, принятый Иосифом Джугашвили в 1912 году. В «Железном потоке» (1924) А. Серафимовича речь идет о сплочении военного коллектива, а в романе Н. Островского «Как закалялась сталь» (1932—1934) закалка стали символизирует воспитание большевистских кадров. В 1930-е годы эта метафорика проникает во все сферы жизни советского общества. Говорят о «железной воле вождя и партии», о «стальном единстве» сопротивляющихся полярным льдам челюскинцев, о советских летчиках как о «железных людях» и т. д.

Не менее распространена была соответствующая метафорика в национал-социализме. Еще в книге Э. Юнгера «Борьба как внутреннее переживание» (1922) бойцы мировой войны фигурируют как «боевые стальные натуры» и «стальные образы» с орлиными глазами, как воплощение нового человека, новой расы. «Стальные тела» солдат и воспитание юношества через спорт до «упругости стали» — таковы идеальные представления Гитлера; Геббельс при открытии культурной палаты Рейха в 1933 году говорил о «стальной романтике».

Шегаль Г. Вождь, учитель и друг. (1937)

Эль Лисицкий. Рабоче-крестьянская Красная Армия. (1934)

В Третьем Рейхе, как и в Советской России, метафорика железа символизирует затверждение воли и тела героя. «Героический максимализм целиком проецируется вовне, в достижение внешних целей»²⁶. Вся энергия направлена «вперед», против врага, против стихии или сопротивления материала. Эта самоотверженная волевая и телесная напряженность называлась «энтузиазмом» в Советской России, и «фанатизмом» в Германии 1930-х годов. При всем сходстве железной героики в Третьем Рейхе и Советской России обращает на себя внимание идеологически обусловленная разница. Если у большевистских героев на переднем плане стоит железная воля, стальное сознание, то национал-социализм видит свой идеал героики в броне солдатских тел, образцово реализуемый в обнаженных скульптурах Третьего Рейха.

Что же делает героический миф столь обязательным для тоталитарных культур? Какие существенные функции он выполняет? Герой представляет собой архетип, который образует «первую ступень в дифференциации психики»²⁷ подрастающего человека. В борьбе с тенью молодой человек освобождается от инерции подсознательного, преодолевает склонность к возвращению в состояние детства, над которым доминирует мать. Таким образом, архетип служит для развития индивидуального самосознания, для подготовки молодого человека к самостоятельному преодолению жизненных проблем. Когда человек вступает в фазу зрелости, архетип теряет свое значение. «Символическая смерть героя одновременно является достижением этой зрелости»²⁸. Зрелость существует лишь по ту сторону героического.

Миф о герое, побеждающем зло в образе дракона или чудовища и освобождающем свой народ, имеет универсальное значение. Он воплощает мобилизацию сил самосознающего «Я», концентрацию и укрепление воли «Я» в сложных жизненных ситуациях для преодоления внешнего сопротивления. «Как общее правило можно установить, что потребность в героических символах растет, если “Я” требует поддержки, т. е. когда сознательный дух при решении задачи нуждается в помощи, так как он не может решить ее в одиночку или без использования источников силы, находящихся в его подсознании»²⁹.

То, что верно для процесса индивидуального развития, можно перенести и на актуализацию героического архетипа в коллективно-историческом масштабе. Тоталитарным культурам свойственно настойчивое стремление к узурпации энергии героического мифа, с тем, чтобы использовать его для своих целей. Массовая идентификация с героем и подражание ему ставятся на службу выполнения государственных задач. Мобилизующая функция героизма находит свое выражение в институционализированном пангероизме. Вследствие этого все сферы жизни превращаются в арену борьбы, на «фронтах» и «участках» которой инсценируются «походы», проходят «битвы» и достигаются блестящие «победы».

Наряду с мобилизацией энергии, перманентный героизм выполняет еще и другую задачу. Если героическое начало, согласно Юнгу, должно быть преодолено созревающей личностью, пролонгация героизма имеет противоположную функцию — препятствовать этому процессу, другими словами, держать человека в инфантильном состоянии³⁰. Герои — всегда «сыновья», которые следуют приказам, указаниям и советам «отца» и после выполнения задач предстают перед ним со своими достижениями. Героя в этом отношении всегда отличает подростковая. Советские летчики и герои труда хотя и стареют, но никогда не приобретают статуса «отца»³¹. «Вождам-отцам», правда, тоже приписывается героическое прошлое и соответствующие подвиги и атрибуты³², но, несмотря на дружеское отношение к «сыновьям», они воплощают в себе уже новое, более возвышенное качество, т. е. архетип отца.

Тоталитарный культ героя следует рассматривать на фоне соответствующего ему культа молодости. Национал-социализм с самого начала изображал себя как

движение омолаживания немецкого народа. Но и советскому человеку свойственна молодость вне зависимости от возраста:

Мои друзья, товарищи,
Еще мы молоды,
Еще мы очень счастливы,
Пусть наши виски и покрыты сединой³³.

Советская Россия — страна молодых:

Куда бы ты ни шел —
Повсюду молодость,
И у всех крылья от рождения!³⁴

Культ молодости, связанный с героическим мироощущением, нацелен на достижение психической инфляции, то есть, на героическое раздувание инфантильного «Я»³⁵. Увековечение архетипа молодого героя препятствует взрослению «сыновей» и всех, кто идентифицирует себя с ними, а право на зрелость остается исключительно за мудрым «отцом».